

ПАМЯТЬ

Как Сызрань в годы войны спасала маленьких блокадников Ленинграда

Елена МОЧАЛОВА

Продолжение. Начало в № 70, 71 от 13, 17 сентября

Продолжаем рассказ о судьбах детей блокадного Ленинграда, оказавшихся в эвакуации в нашем старинном волжском городе летом 1942 года. Спустя 69 лет после отбытия из Сызрани Юрий Иванович Беляев и Мария Артемьевна Деревягина решили навестить то место, где их выходили, выучили, где сформировались и закалились их характеры. В предыдущих публикациях мы повествовали о том, как они, будучи дошкольниками, пережили суровые блокадные месяцы. А сегодня речь пойдет о сызранском периоде.

Итак, пароход с детворой встречали в Сызрани с оркестром! Поселили ребятшек в мужской семилетней школе № 20 на ул. Декабристов. На втором этаже жили, на первом - учились. Но поначалу занятий не было: истощенные организмы следовало восстановить. Поэтому детей откармливали. А между приемами пищи было сонное царство. Тогда еще в хозяйстве детдома имелись две козочки, поэтому самых слабеньких

Елена Александровна Романова заметила это и наказала девчат за такой поступок. А Юрий Иванович вспоминал, как с мальчишками воровали жмых из подсолнечника, предназначенный для корма свиньям...

Руководитель детдома все удивлялась, почему ребята никак не могут наестся - кормили-то их сытно, хотя

вал ветер с Батракской горы. Летом купались в реке, добирались до острова Раково, где ловили рыбу, жгли костры. Жили достаточно вольготно и самостоятельно.

У девчат были свои интересы. Они ходили в кружок вышивания (правда, не всех желающих могли туда принять, так как ниток мулине катастрофически не хватало), учи-

паяк. Главное, там была большая плитка шоколада «Золотой якорь» - 24 кубика! Растягивали ее надолго...

Ходили и в местный кинотеатр на ул. Советской. Из урны доставали билеты с оторванными контролками, потом хлебным мякишем их склеивали и так проникали в зрительный зал. Что ж, голь на выдумки хитра!

ВСТРЕЧА. Гости из Санкт-Петербурга с работниками и воспитанниками центра «Искра» (ранее - детского дома). ФОТО НАДЕЖДА ФИНАГИНА.

поили целебным молочком. В первый год хлеба давали неограниченно, в последующем на обед каждому - не более четырех кусочков. В первый класс Юра Беляев и Маша Дервягина пошли в 1943 году.

В Сызрани тогда было сформировано четыре детских дома для юных жителей блокадного Ленинграда. Наши герои попали в 38-й. Здесь разместили порядка 150 ребятишек-дошкольников. А Юрина сестра-подросток оказалась в ярославском детском доме. Тетя Дуся нашла обоих ребят и вела с ними переписку. Юра чувствовал, что он не один, что есть близкие люди, с которыми он непременно встретится! Маше было сложнее: ее, сиротинушку, никто нигде не ждал!..

В детском доме у каждого ребенка был свой номер. У Юры № 47. У Маши № 144. Для чего? Их нашивали на одежду, чтобы после стирки она вновь возвращалась к своему владельцу. А еще друзья давали друг другу прозвища. Юра стал Белкой (что созвучно с фамилией), а Маша - Мухой (была она маленькой и шустрой).

Вскоре напротив школы стали строить специальное здание детского дома, а воспитанники помогали таскать кирпичи. Мальчишки воспринимали такую работу как само собой разумеющуюся. А девочкам ее давали в качестве наказания. Спрашиваю, за что? Мария Артемьевна вспоминает такой случай. Как-то на завтрак дали копченую рыбу. Так потом они с подружками побежали еще к баку с помоями, чтобы найти там косточки и обглодать их. Вкусотища!.. Директриса

и однообразно. Что ж, это последствия голодных месяцев в Ленинграде... А вообще, Елена Александровна оказалась очень доброй, заботилась о ребятишках, как о своих собственных. Женщиной она была крупной, с орлиным носом. Сегодня мои собеседники отмечают ее справедливость, активность, хозяйскую хватку. В детском доме были лошадки, полуторка. В 12 километрах от города имелся свой участок, где высевали просо. А на склоне к Воложке засаживали огород: капусту (дети ее сами рубили и квасили на зиму), тыквы (добавляли в пшеничную кашу), помидоры (красные ребяшня сразу же съедала, а зеленые солили). Было и свое овощехранилище. На первое давали кислые щи, их называли «хряпа», на второе - кашу. Ребята часто шутили по этому поводу. Например: «Вчера была каша с тыквой, а сегодня тыква с кашей - разнообразное питание».

Воспитанники детдома участвовали во всех сельскохозяйственных работах: сажали, полости, убрали урожай. И это было в порядке вещей. Тучами вилась вокруг них мошара. Вездесущие пацаны придумали, как с нею бороться: они изготавливали из подручного материала что-то наподобие кадил и отмахивались дымком от агрессивных насекомых. Печки топили тогда местным сланцем, ребяшня его колола слоями. Но, конечно, оставалось время и на игры. Любимым местом для них был овраг на склоне. Зимой с него катались на санках, лыжах. У местных ребят добывали коньки и по льду Воложки неслись, распахнув пальто, которые, словно парус, наду-

вались ветром. На Новый год ставили спектакль «12 месяцев». Но в нем играли, конечно же, и мальчишки. И тоже много времени проводили на улице!..

В каникулы, несмотря на военное лихолетье, выезжали в пионерские лагеря - в Рамено и Трубетчино. Юра любил уединяться: гулял по дубовой роще, отдыхал душой в ковыльной степи, мечтал во ржи. В детском доме такой возможности не было - там все время на виду, в коллективе: в комнате жили по 20 человек... Кстати, половины девочек и мальчиков существовали автономно друг от друга и были разделены лестницей.

Жили дружной детдомовской семьей. С сыновьями директрисы - Юрой и Володей (они были постарше) - гоняли в футбол. Добродушной была повариха тетя Паня (так ее называли), дожила до 90 лет в Сызрани. Завуч Мария Самуиловна, хотя и имела обидное прозвище среди детворы Жаба, тоже отличалась добротой, пекала пирожки и угощала ребятишек. Она эвакуировалась с подопечными из Ленинграда, а после войны туда же и вернулась. Юрий встречался с ней там, навещал ее. Медсестрой работала Маша, племянница директора. Воспитательница Клавдия Филипповна Окулова была актрисой народного театра и мечтала о большой сцене.

Шефами детдома были военнослужащие из танкового училища. Ребята бывали у них в гостях - ходили смотреть кино. Бесплатно. А в новогодний праздник и, видимо, на Первомай получали от военных подарки - офицерский

от моих новых знакомых, как выглядела Сызрань в те годы. Было ли многолюдно на улицах... Юрий Иванович ответил: «Для счастливого детства на вполне хватало нашего райского уголка около детдомовраг, речка, коньки, санки, мальчишеские забавы!» Сызрань же у него ассоциируется с вкусными помидорами, которые ребята сами выращивали на детдомовском огороде и отменной раменской володе. А еще - с художником Анатолием Александровичем Лешиним, который, вернувшись с фронта, вел у ребят рисование и руководил изостудией. Юра очень увлекся этим творчеством! Научился писать акварелью и масляными красками. Был подмастерьем у своего учителя: выполнял первичное промасливание холста, наносил фон. Подросток и сам написал три работы. Две из них - пейзажи. На одном - уже знакомый нам овраг, Воложка ивняком и рубленный дом с порошенной крышей. На другом - ледоход на Волге. А на третьей картине - пионер готовится к экзаменам. Юрий Иванович сегодня сожалеет, что забрал их с собой, когда подал Сызрань. Ныне они утрачены.

Юрий Беляев даже хотел поступать в Мухинское училище в Ленинграде. Но рисунок у него был слабоват. И пошел по другой линии - инженерно-конструкторской. Опекал, что в Сызрани не осталось никаких следов Лашина. Очень хотелось встретиться с потомками своего любимого учителя.

Окончание следует.